

В.П. МОСКВИН
(Волгоград)

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «СИМВОЛ»

Выявлена система значений слова символ, построена типология символов, рассмотрены таксономические связи данного понятия, что позволило уточнить его содержание.

Ключевые слова: *символ, знак, эмблема, метонимия, метафора, образ, символизм.*

Известно, что термин *символ* «вызывает множество сложных и противоречивых толкований в теории и философии художественного слова» [21, с. 328], что это слово «одно из самых многозначных в системе семиотических наук» [14, с. 191], что понятие символа «и в литературе, и в искусстве является одним из самых туманных, сбивчивых и противоречивых» [13, с. 5]. Неясности возникают по ряду причин.

1. Не вполне определена система значений слова *символ*. Судя по контекстам употребления, оно имеет следующие смыслы, не разведенные словарями:

а) ‘воплощение, олицетворение’: *Символом христианской архитектуры является готическая башня или шпиль – зримое воплощение идеи Вознесения* (Словарь изобразительного искусства); *Феномен Платона – это символ, олицетворение гения древних греков* (Ф. Кессиди. Идеи и люди);

б) ‘основная примета, достопримечательность какого-либо места’: *Символ [= достопримечательность] Нидерландов – деревянные башмаки* (Д. Хвостова. Универсальный атлас мира); ср.: *В каждом городе есть свои достопримечательности, символы города* (Коммерсантъ. 1999. 7 сент.); *Это же главная достопримечательность салона, его символ!* (Н. Солнцева. Сокровище Китеж-града);

в) ‘знамение, предзнаменование, симптом, предвестник грядущих событий’: *Узел или же цепочка запуталась – символ болезней и убытков* (Старинные гадания); *Грязное или рваное белье – символ грядущих неурядиц* (Сонник);

г) ‘предметное обозначение абстрактной идеи’: *Белый голубь – символ мира*;

д) ‘эмблема, тотем группы лиц, а также места (города, государства), где они проживают или предприятия (организации, фирмы), где они работают’: *Символ партии – осел, олицетворяющий упорство в преодолении препятствий* (Т. Варламова. Все страны мира); *Крест есть символ христианства* (В.И. Даль). В этом случае символ становится «именем клана», «подлинным гербом»: «Тотем как эмблема есть символ коллективности» [19, с. 113–114, 117].

Рассмотрим с этой точки зрения одну из словарных трактовок лексемы *символ*: «Предмет, действие и т. п., служащие условным обозначением какого-л. понятия, идеи: *Великая русская река! Она – символ нашей вольности, нашего раздолья и нашего богатства* (А. Новиков-Прибой. Волга)» [18, с. 93]. Иллюстративный пример явно не соответствует дефиниции: река Волга в данном контексте фигурирует не как «условное обозначение», т. е. знак (смыслы «г» и «д»), а как воплощение, олицетворение вольности, раздолья и богатства русского народа (смысл «а»).

Двусторонней номинативной единицей, знаком, т. е. обозначением «по договору (*κατά συνθήκην*)» [26, с. 41], символ является лишь в смыслах «г» и «д». Как вид знака символ служит средством определения, визуальным представителем, образом для тех объектов, которые образованы лишены: абстракций (абстрактный символ, смысл «г») и людских сообществ (конкретный символ, смысл «д»). Г.В. Лейбниц дает следующее определение: «Символ есть знак партии или группы (*factionis seu sectae*) либо какого-нибудь договора» [40, с. 500]. Как видим, эта трактовка не учитывает смысл «г».

Под символом в значениях «г» и «д» необходимо понимать зрительно воспринимаемый объект, осмысленный как знак понятия, не поддающегося наблюдению; в этом плане символ есть «окно к другой сущности, не данной непосредственно» [22, с. 302]: так, «зримые символы предметов незримых – хлеб и вино, знаменующие собою тело и кровь Христовы» [29, с. 289].

2. Не выявлены конкретные виды символов. С тем, чтобы выполнить эту непростую задачу, необходимо определить основные параметры их подразделения.

По характеру носителя, в роли которого может выступить как предмет (например, крест, хлеб, вино), так и слово, символы делятся на два разряда: 1) визуальные; 2) словесные, образуемые посредством дескриптивной (изобразительной, «портретной») лексики, обозначающей все, что может стать объектом сенсорного, в частности зрительного восприятия. Если полагать, что символ есть «предмет, действие, понятие *или* (курсив наш. – В.М.) языковое образование» [28, с. IX], то определение символа как «выражения с двумя смыслами», т.е. как знака, «выражающего значение через другое значение» [48, с. 172, 28], относящееся только к словесному символу, следует признать слишком узким.

По наличию / отсутствию моментов сходства с референтом подразделим символы на два типа: а) частично иконичные: *Сакура – символ Японии*; б) неиконичные: *Лев – символ Швеции*. Еще св. Дионисий Ареопагит (I в. н. э.) отметил, что «символы со зримыми предметами бывают либо сходными, либо несходными и с толку сбивающими (*dissimilar et confusa*)» [38, с. 132]; между тем, считается, что символ вступает с референтом в отношения «частичной репрезентации» [34, с. 75], что символ «не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым» [20, с. 69]. Как видим, это наблюдение относится только к иконичным символам.

Т. Себеок предлагает именовать частично иконичный символ (тип «а») эмблемой, трактуя последнюю как «разновидность символа, которая может быть частично иконичной, как, например, флаг США, на котором чередующиеся семь красных и шесть белых полос символизируют число британских колоний, основавших государство, а пятьдесят белых звезд соответствует числу штатов» [49, с. 43]. Поскольку данное предложение выглядит как излишнее терминологическое усложнение и без того непростой проблемы, более предпочтительна дихотомия Дионисия Ареопагита.

По числу значений подразделим символы на две группы: 1) однозначные: *Змея, кусающая свой хвост, – символ бесконечности* (В. Похлебкин. Словарь международной символики); 2) неоднозначные. Многие символы второй группы образованы посредством так называемой незамкнутой метафоры, ближайший контекст которой не раскрывает ее смысла (см.: [16, с. 148 – 155]). При такой метафоре отсутствует подсказывающее ее смысл ключевое слово; его подстановка превращает метафору в замкнутую, т.е. однозначную: *Душно! Без счастья и воли / Ночь бесконечно длинна* (Н.А. Некрасов) → *ночь тиранши, ночь диктатуры*. Незамкнутая метафора в силу характерной для нее «смысловой неопределенности» [5, с. 131] «не поддается точному и единому истолкованию» [4, с. 88]. Смысл ее может быть подсказан широким контекстом или конституацией. Таких «подсказок» может и не быть: *Каждый вечер по легким и зыбким мостам / Мы выходим друг другу навстречу* (М. Цветаева). Мосты сновидений? грез? мечты? памяти? В подобных контекстах метафора «утрачивает однозначность», превращаясь в «неясный, туманный образ-символ» [7, с. 120], в неясную номинацию того, что в другом стихотворении М. Цветаевой названо ясно и однозначно: *Но неизменной, как грусть, остается / Связь через сны*. Внутренняя форма индивидуально-авторского метафорического символа влечет за собой сложный ассоциативно-смысловой комплекс (*мосты* → сновидения, мечты, память...), для точного выражения которого в языке нет адекватных знаков. Что произойдет, если неоднозначное и неясное наименование *мосты* заменить ясным и однозначным *связь через сны*? С. Малларме поясняет: «Назвать предмет <прямо> означает уничтожить три четверти наслаждения в стихотворении, которое создано для счастья постепенного угадывания; внушить его – вот мечта. Именно в этом и состоит тайна, формирующая символ» [50, с. 162]. В данном плане словесный символ оказывается обозначением *невыразимого*, «тайнописью *неизреченного*» [6, с. 597], единственно возможным «способом соединения некоторого явления и того смысла, который за ним находится и ускользает без этого соединения» [32, с. 84]. В силу последнего фактора, т. е. семантической и номинативной емкости, незамкнутая метафора стала яркой приметой символизма.

Символ часто трактуется как семантически неисчерпаемый и потому непознаваемый феномен, за которым «кроется некий неразгаданный икс», «тайна»; как «неисчерпаемый источник для все новых и новых обнаружений» [12, с. 695]; к числу характеристик символа относят «неисчерпаемую многозначность», «смысловую неопределенность» [9, с. 263].

Символ нередко противопоставляется эмблеме как знак полисемичный знаку моносемичному (“univalent in meaning” [30, с. 105]). Представление об однозначности эмблемы восходит к средневековой ее трактовке как символической дидактической картины («символа»), снабженной лаконичным названием, исключающим возможность множественной ее интерпретации, ср.: «Эмблема. Символ, воображением созданный и суть вещи знаменующий, с присовокуплением заголовка (lemmate), кратко го речения. Например, <картина> “Каин, убивающий Авеля”, с заголовком: *Зависть (Invidia)*» [45, с. 858]. Эмблема (греч. *ἐμβλήματα* ‘вставка’), или тип (греч. *τύπος* ‘эмблема’), использовалась, на правах «служебного произведения (*πάρεργον* *operibus*)» [33, с. 3], или, в современной терминологии, вторичного жанра, как невербальная иллюстративная преамбула к небольшому дидактическому тексту. Так, в книге эмблем, составленной А. Альчиато, под заголовком «Предусмотрительность» изображен (на фоне скал, обрыва, предгрозового неба) двуликий Янус; ниже расположено четверостишие: *О Янус двуликий, препоны провидишь в пути, / Назад и вперед ты зорко смотри; / Лишь тем сей путь благополучен, / Кто осторожности научен* [25, с. 24]. Однако в этом же значении употреблялся и термин *символ*. В справочнике Н. Максимовича-Амбодика под рядом символических миниатюр читаем: «*Symbola*. 833. *Раненный Олень пьет воду*. Утешение, а не помощь. Облегчение, а не исцеление» [43, с. 211]. Так называемое «эмблематическое чтение» развивало образное мышление, способствовало распространению и внедрению прописных истин, типовых характеристик («характерисм»), моральных максим и предписаний («сентенций», «гном», «апофтегм»). Современный узус также показывает, что а) символ бывает однозначным, эмблема – многозначной: *В углу игрушечное знамя, Эмблема пьянства, ссор и драк* (С. Черный); *Перед нами многозначная эмблема, сопрягающая идеи жизни, любви и смерти* (И. Попова. Повести Белкина); б) слова *символ* и *эмблема* регулярно используются как абсолютные синонимы, ср.: *Змея. Основное значение – символ мудрости. Змея, держащая в пасти свой хвост, – эмблема вечности. Змея возле чаши – эмблема врачевания. Змея на кадуцее – символ справедливой торговли* (Л. Шепелев. Гербоведение России).

По степени освоенности символ может иметь характер 1) устойчивый, системный, конвенциональный (*голубь мира, мученический крест*); 2) индивидуально-авторский, речевой, неконвенциональный (*Каждый вечер по легким и зыбким мостам...*). Символ нередко противопоставляется эмблеме как «точно фиксированному, конвенциональному, но, несмотря на свою условность, вполне общепризнанному знаку» [13, с. 122]: *Эмблема фонда «Гармония и Благодетель» представляет собой изображение Атланта, удерживающего на плечах небесный свод, трактованный графически как спираль, по краю которой расположены семь звезд* (В. Семенов. Товарный знак). Но этими же характеристиками может обладать и символ, ср.: *Панда – символ Всемирного фонда дикой природы* (Энциклопедия живой природы).

По доступности для третьих лиц символы поддаются подразделению на открытые (*голубь мира*) и закрытые (тайные, корпоративные). Так, начиная со II в. н. э. тайным символом сообщества первых христиан было изображение рыбы: греческое слово *ἰχθύς* ‘рыба’ расшифровывается как акроним выражения *Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ* ‘Иисус Христос Бога Сын Спаситель’; символом секретного договора между двумя торговцами могла стать «мелкая монета, пополам разломленная (*ἡμίτομον*)» [39, с. 377]. Таким знаком могла послужить и печать от перстня. В пьесе Плавта «Псевдол» читаем: «...оставил он печать (*symbolum*), Оттиснувшую от его кольца на воске образ свой, И кто такую же печать представит, С тем и должны меня отправить» [42, с. 1163]. Неясными, не вполне понятными бывают только индивидуально-авторские и закрытые символы, в силу чего трудно принять мнение о том, что любой символ «остается темным (*opaque*), непрозрачным, ибо смысл его возникает из аналогии с буквальным значением» [48, с. 314].

По отношению к цели подразделим символы на два типа: 1) по назначению, т. е. специально созданные для выполнения семиотической функции: *крест, пятиконечная звезда*; 2) по функции – объекты, наделенные символической функцией, т. е. осмысленные как символы: *хлеб, вино, роза, голубь, лев*. Объекты второго типа бывают недостаточно четко отграничены от тех, которые функцию символа (знака) не выполняют; здесь нередко кроется характерное для теологии софистическое расширение символической функции на все зримые объекты: ведь если признать, что все объекты являются знаками, и даже «в каждом из многих членов нашего тела можно найти сходные образы, изображающие свойство Сил небесных» [38, с. 253], то это доказывает существование *Творца, Создателя* этих знаков. В соответствии с религиозно-философской доктриной любой визуально воспринимаемый предмет есть символ: «Поскольку Библию создал Бог и поскольку Бог объемлет все, то и Библия должна говорить обо всем, а значит, каждый упоминаемый в ней предмет должен быть потенциальным символом. Средневековые комментаторы отвечали этой дилемме производством огромного числа списков и энциклопедий: гербариев, бестиариев, лапидариев etc., в которых они присваивали символическую значимость всему, что существовало в физическом мире» [27, с. 2]. Мир в этой концепции трактуется как символ, а потому представляет собой целое, состоящее из двух уровней: предметного (феноменального, видимого) и идеального (ноуменального, трансцендентного, недоступного восприятию). По мысли П.А. Флоренского, «бытие есть Космос и символ», реальность «насквозь символична, и мир – собрание *двудеиных*, ноуменально-феноменальных явлений – символ» [23, с. 183]. Все в этом «мире-символе» подчинено высшему божественному порядку, связано различными соответствиями: «Основанием символизма является *соответствие, связующее все уровни реальности*, присоединяющее их один к другому и, следовательно, простирающееся от природного порядка к сверхъестественному порядку. Благодаря этому соответствию вся Природа есть не что иное, как символ, т. е. ее подлинное значение становится очевидным, только если она рассматривается как указатель, могущий заставить нас осознать сверхъестественные или “метафизические” истины – метафизические в действительном, подлинном смысле слова; в этом и состоит “сущностная функция символизма”» [11, с. 34].

Сущность символа в таком понимании не поддается рациональному объяснению и определению, что со стороны адресата предполагает не критическое восприятие либо религиозную веру: «Символическая связь – не знаковая, не нами установленная, не условная <...> В вещах мира заложены неявные созвучия. Кто их туда заложил? Какая нечеловеческая инстанция прошла, словно листки, вещи мира так, что они оказались книгой? Символ предполагает *веру*, что в мире идет тайная переключка смыслов» [2, с. 179].

Религиозно-философский символизм послужил основой литературного символизма, ср.: «Люди, растения, животные, звезды, все явления мира – иероглифы, священные письмены, начертанные Божьим перстом; вещие знаки, знамения, символы. Все всему отвечает; все сквозь все просвечивает» [15, с. 205]; ср.: *Милый друг, иль ты не видишь, / Что все видимое нами – / Только отблеск, только тени / От незримого очами?* (В. Соловьев).

По содержанию подразделим символы на два тематических типа: 1) обозначающие нечто возвышенное (священное, божественное) и непостижимое; 2) обозначающие нечто обыденное и вполне понятное. С этой точки зрения необходимо признать слишком узкими трактовки, игнорирующие второй тип: 1) «символ выражает возвышенное (*ἔχει δεινότητάς*)» [31, с. 158]; 2) «*Similitudines quae transferuntur a terrenis ad caelestia vocat symbolicas*» ‘Сходства, переносящие от земного к небесному, именуют символами’ [41, с. 201; ср.: 38, с. 143, 171]; 3) символ есть «знак того, что лежит за пределами чувств»; он «обозначает предметы скрытые и таинственные (*latentis & occultae*), мистические и священные; таков, например, смысл *семи звезд* Апокалипсиса» [46, с. 9, 2], ср.: *Он держал в деснице Своей семь звезд*; одно из толкований: «Семь звезд суть Ангелы семи церквей» (Откровение св. Иоанна Богослова); 4) «настоящая символика там, где частное представляет всеобщее не как сон или тень, но как живое мгновенное откровение непостижимого» [3, с. 353] и др.

3. Отсутствует номинативная типология символов, т. е. классификация их по способу образования. Поскольку символ дескриптивен, его созданию служат две фигуры, которые придают мысли «чувственную образность», «наглядность и изобразительность» [47, с. 106 – 107], будят «нашу рефлексию, наши размышления, нашу фантазию», обеспечивают «непосредственное ощущение (*wahrnehmung*) и зрительное восприятие (*anschauung*)» [35, с. 23]:

1) метонимия: *крест* как символ страданий (по метонимической формуле «*locus regit actum*», или «место → событие»); *Прекрасен царскосельский сад, / Где льва сразив, почил орел России мощной / На лоне мира и отрад* (А.С. Пушкин): Россия ~ *орел*, Швеция ~ *лев* (по метонимической формуле «герб → страна»);

2) метафора, т.е. «сокращенное сравнение» [44, с. 76], ср. греч. *σύμβολον* ‘знак, примета, знамение’, букв. ‘сопоставление’: *синяя птица счастья* (счастье сравнивается с птицей). Некоторые метафорические символы восходят к аллегорическим текстам. Такой текст определяется как «повествование, в котором каждый персонаж, каждое действие имеют символический смысл» [36, с. 22]; так *волк* стал символом жестокости, *лиса* – хитрости, *осел* – глупости (о механизмах аллегории см.: [17, с. 45 – 56]).

В свете приведенных фактов символ нельзя считать ни «случаем метонимии» [10, с. 67], ни «типом метафоры» [6, с. 217], ни, в частности, «аллегорическим выражением» [31, с. 160], ибо символы а) образуется не одним, а двумя названными выше способами; б) являются знаками, т. е. двусторонними единицами, метафора же и метонимия – это приемы создания таких единиц; невнимание к данному факту ведет к тому, что символы «недостаточно отделяют от тех стилистических приемов, коими они вводятся» [24, с. 221], т.е. образуются, – метонимии и метафоры. Символ обладает «переносным, индизонимическим значением» (В.И. Даль); за каждым символом стоит метафорическое или метонимическое переосмысление, поэтому любой символ может быть понят «или буквально, или через размышление (*κατά διάνοιαν*)» [37, с. А3]. Буквальное осмысление визуального символа обращает его в обычный, ассоциативно не отягощенный предмет, не требующий трактовки «через размышление»; буквализация словесного символа превращает его в слово с прямым значением.

Сложен вопрос о месте символа в системе смежных категорий. Символ либо поясняется через понятия ‘знак’ (*indicium, signum*), ‘образ’ (*imago, figura, forma*), ‘аллегория’ [38, с. 198, 261, 345], либо трактуется как знак (*signum*) и сопоставляется с эмблемой, образом («картиной», «иконой»), метафорой, аллегорией [33, с. 3 – 4], либо сопоставляется со знаком, образом, метафорой [1, с. 83 – 89] или знаком, метафорой, аллегорией, эмблемой, образом, идеей [13, с. 110 – 154]. Думается, эти понятия следует рассматривать как принадлежащие разным таксономическим горизонталям: а) знак, в частности символ и эмблема – двусторонние единицы; б) метафора (в частности аллегория) и метонимия – фигуры переноса, «вводящие символ» (Б.И. Ярхо); в) образ, идея – единицы содержательного плана.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Образ. Метафора. Символ. Знак: Эскиз концептуального анализа // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990.
2. Биbihин В.В. Язык философии. М., 1993.
3. Гете И.В. Избранные философские произведения. М., 1964.
4. Гинзбург Л.Я. Опыт философской лирики // *Поэтика*. Л., 1929. Вып. 5.
5. Губер А. Структура поэтического символа // *Художественная форма*. М., 1927. Вып. 1.
6. Жирмунский В.М. Теория литературы. Стилистика. Л., 1977.
7. Загоровская О.В., Соколова Н.К. Индивидуально-авторское словоупотребление А. Блока и традиционная поэтическая норма // *Вопр. стилистики*. Саратов, 1976. Вып. 11.
8. Иванов Вяч. И. Заветы символизма // *Собрание сочинений*. Брюссель, 1974. Т. 2.
9. Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.
10. Крюкова Н.Ф. Средства метафоризации и понимание текста. Тверь, 1999.
11. Кэрлот Х.-Э. Словарь символов. М., 1994.
12. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
13. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.
14. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // *Избранные статьи* : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1.

15. Мережковский Д.С. Тайна Трех. Египет и Вавилон. М., 2003.
16. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. 4-е изд. М., 2012.
17. Москвин В.П. К определению понятия «аллегория» // Рус. речь. 2006. № 2.
18. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1988. Т. 4.
19. Сорокин П.А. Популярные очерки социальной педагогики и политики. М., 1923.
20. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998.
21. Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 1999.
22. Флоренский П.А. Малое собрание сочинений. Т. 1 : Имена. М., 1993.
23. Хоружий С.С. Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки // Историко-философский ежегодник. М., 1988.
24. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения // Контекст-1983. М., 1984.
25. Alciati A. Emblemata. Lugduni, 1550.
26. Αριστοτέλους Περί ερμηνείας // Aristotelis opera / Ex rec. I. Bekkeri. Oxonii, 1837. T. I.
27. Brittan S. Poetry, symbol & allegory. Univ. of Virginia Press, 2003.
28. Cohen A. Two-Dimensional Man: An Essay on the Anthropology of Power and Symbolism in Complex Society. Univ. of California Press, 1976.
29. Contenson V. Theologia mentis et cordis. Venetiis, 1727. T. II.
30. Daly P. M. Literature in the Light of the Emblem. Univ. of Toronto Press, 1998.
31. Δημητρίου Φαληρέως Περί ερμηνείας. Glasgae, 1743.
32. Dittmann L. Stil, Symbol, Structur. München, 1976.
33. Emblemata, cum aliquot nummis antiqui operis, Ioannis Sambuci Tirnauensis Pannonii. Antverpiae, 1564.
34. Firth R. Symbols: public and private. Cornell Univ. Press, 1973.
35. Gerber G. Die Sprache als Kunst. Berlin, 1885. Bd. II.
36. Gudden J. A. Dictionary of Literary Terms & Literary Theory. L., 1991.
37. Hanmann M. E. Disputatio inauguralis de symbolo apostolico. Lipsiae, 1653.
38. Ioannis Scoti Expositiones super Ierarchiam caelestem S. Dionysii // Patrologiæ cursus completus. Series latina. Parisii, 1853. T. CXXXII.
39. Iulii Pollucis Onomasticon / Ex rec. I. Bekkeri. Berolini, 1846.
40. Leibniz G. W. Philosophische Schriften. Bd. 2: 1663 – 1672. Berlin, 2006.
41. Lille A. Textes inédits, avec une introduction sur sa vie et ses oeuvres par M.-Th. D'Alverny. Paris, 1965.
42. M. Accii Plauti Comædiæ / Ex ed. G. F. Gronovii. Londini, 1829. Vol. III.
43. Maksimovič-Ambodik N. M. Emvlemy i simvolj (1788): The First Russian Emblem Book / Ed. A. Hippisley. Leiden, 1989.
44. M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Lipsiae, 1854. Vol. II.
45. Pexenfelder M. Apparatus Eruditionis. Sultzbacj, 1704.
46. Prælectiones theologicæ de sacramentis in genere, quas in Scholis Sorbonicis habuit H. Tourneli. Venetiis, 1731.
47. Richter H. F. Lehrbuch der Rhetorik. Leipzig, 1832.
48. Ricoeur P. Conflict of Interpretations. L., 2004.
49. Sebeok Th. A. Signs: An Introduction to Semiotics. Univ. of Toronto Press, 2001.
50. Symbolism, decadence & the fin de siecle / Ed. P. McGuinness. Univ. of Exeter Press, 2000.

About the notion “symbol”

There is revealed the system of the notions of the word symbol, formed the typology of symbols, considered the taxonomic relations of the given notion, which allowed specifying its meaning.

Key words: *symbol, sign, emblem, metonymy, metaphor, image, symbolism.*